

A woman with long, dark brown hair is shown in a close-up, looking down at a glass of white wine she is holding. She is wearing a dark, sleeveless top. The background is a blurred bar or restaurant setting with warm lighting. Another glass of red wine is visible on the right side of the frame.

ТАТЬЯНА Воронцова

Ловцы
запретных
желаний

18+

Татьяна Воронцова
Ловцы запретных желаний
Серия «Время запретных желаний»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/55314560>

Ловцы запретных желаний: 1;

ISBN 978-5-17-126595-3

Аннотация

<p>Как много настоящего в жизни современного человека, жителя мегаполиса? И что более травматично: его вторжение или его отсутствие? Оказавшись в Северной Греции по приглашению виноделов региона Аминдео, скромный менеджер Алина Уланова вместе с коллегами и приглашенным экспертом международного класса осматривает заводы, участвует в дегустациях, наслаждается новыми впечатлениями и даже не подозревает, чем обернется случайная потеря браслета на территории одного из винодельческих хозяйств. Простое любопытство и сменившее его желание «почувствовать вкус чего-нибудь настоящего», делают Алину и Константина сначала свидетелями преступления, затем жертвами, затем преступниками, мстителями, соучастниками... И все это в течение каких-нибудь трех-четырёх дней! Собственные поступки и поступки окружающих в конце концов побуждают Алину всерьез задаться извечным вопросом: кто мы?..</p>

Содержание

1	4
2	10
3	20
4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Воронцова

Ловцы запретных желаний

1

Только сейчас, по дороге в город виноделов Наусу, он почувствовал, что начинает расслабляться. За тонированными стеклами автомобиля мелькали дивные пейзажи – бескрайняя зелень равнин с прямоугольными проплешинами недавно засеянных полей, торчащие тут и там белые домики с рыже-коричневыми черепичными кровлями, четко вычерченные на фоне пронзительно синего неба с редкими ватными клочьями облаков пологие, тоже зеленые, но уже более темные склоны гор, – из радиоприемника лилась мелодичная греческая музыка, сидящие на заднем сиденье спутники болтали и смеялись, а впереди были еще две недели жаркого греческого солнца, ароматного греческого воздуха и насыщенного греческого вина.

– Вы впервые в Греции? – завел беседу водитель.

Его звали Янис.

– В Македонии – да, впервые, – ответил Константин, продолжая смотреть в окно. Сделал над собой усилие и повернулся, чтобы не казаться невежливым. – Я дважды был в Аттике, дважды на Пелопоннесе и несколько раз на островах.

– Что больше всего запомнилось?

– Южный Крит.

Янис одобрительно кивнул. Они обменялись дружелюбными улыбками и замолчали. Приближался пункт сбора пошрины за проезд по скоростной трассе.

«Не думать о ней, не думать о ней, не думать о ней», – мысленно повторил Константин, и это заклинание, ставшее уже привычным за истекшие сутки, помогло ему не задрожать всем телом, когда сидящая сзади Алина протянула руку и слегка поскребла его ноготками по плечу.

– Костя, у тебя осталась питьевая вода?

Повернувшись насколько было возможно, он протянул ей пластиковую бутылку. Встретил взгляд серо-зеленых глаз и слегка улыбнулся. Ни к чему не обязывающая улыбка – быть приветливым, быть галантным, – чтобы ей даже в голову не пришло, что едва знакомый мужчина, случайно оказавшийся в составе группы, уже раз двадцать мысленно изнасиловал ее. Изорвал в клочья белую батистовую блузку с коротким рукавом, просвечивающий сквозь батист лиловый бюстгалтер, короткие джинсовые шорты... кхм.

Константин достал из нагрудного кармана рубашки солнцезащитные очки, купленные в Duty Free Домодедово, водрузил на нос. Откинулся на спинку сиденья, вздохнул и закрыл глаза. Выбирать их ему помогала Алина – именно тогда они впервые разговорились. Если можно назвать разговором все эти «вам хорошо», «нет, мне кажется, тонкая металли-

ческая оправа больше подходит к вашему лицу», «никогда не носили ничего подобного?.. почему же?..», «да, эти современные облегченные линзы очень удобны» можно назвать разговором. Потом пришло время грузиться в самолет, где они оказались разделены проходом, по которому бортпроводницы непрерывно катали тележки то с водой, то с едой, то с товарами беспощинной торговли, и Алина только однажды обратилась к Константину с банальным вопросом который час.

Этот первый вечер в Салониках – номера по соседству, балконы разделены перегородкой из толстого матового стекла, но если подойти вплотную к ограждению, вполне можно обменяться впечатлениями о раскинувшемся внизу древнем городе, освещенном холодным электрическим светом фонарей и витрин, – и ее тихий смех в ответ на предложение прогуляться по карнизу, и смущенные улыбки, обнажающие белую полоску зубов над целомудренно запахнутым белым же шелковым халатом-кимоно, и любопытные взгляды из-под ресниц... Что же она сказала?

«Иногда мне кажется, что я проживаю чужую жизнь, не свою. Жизнь персонажа, созданного моим собственным воображением. Да, воображение мое, но жизнь – нет».

«Персонаж, созданный вашим воображением, – это набор ваших представлений о себе? Образ себя?»

«Роль, которую я играю. Но кто я в действительности?»

«Нельзя увидеть себя изнутри. Оценка всегда подразуме-

вает дистанцию».

«Знаю. Что же делать? Обратиться за помощью к другому человеку? Но где гарантия, что он воспринимает меня такой, какая я есть? И что ответом на мой вопрос не станет описание образа меня, но только созданного его воображением? Набор его представлений обо мне».

«Обратиться к другому – хорошая мысль. Но только не за тем, чтобы он рассказал вам кто вы, а чтобы в процессе общения каждый из вас узнал кое-что о себе».

Мерцающий слева залив Термаикос. Воздух, насыщенный морской солью. Все средиземноморские города имеют этот особый, неповторимый запах, в котором испарения от прогретой солнцем земли смешиваются с морскими ветрами и ароматами душистых трав. Угловой балкон соседнего здания, где цветет пышным цветом розовая герань – мысленно Константин окрестил ее «мечта тети Нюры», – и после того, как увидишь однажды такую герань, называть геранью убожество, произрастающее в горшке на подоконнике московской квартиры, просто язык не поворачивается. Звезды, близкие как нигде и никогда раньше, напоминающие о беспредельности космоса и ограниченности человека.

«Позвоните мне утром, пожалуйста. Я боюсь проспать».

«В восемь?»

«В четверть девятого».

«Так вы сова?»

И снова этот смех, сконфуженный и одновременно шкод-

ливый – смех круглой отличницы, примерной девочки, застигнутой за просмотром порнографического журнала.

«Вы про то, что все люди делятся на...»

«...сов, – подхватил он, – которые поздно ложатся и поздно встают; жаворонков, которые рано ложатся и рано встают; и дятлов, из-за которых совы рано встают, а жаворонки поздно ложатся».

«Значит, дятлом сейчас работаю я, а завтра с утра ваша очередь».

«Договорились».

Лежа без сна на широченной кровати, двуспальной по всем параметрам и тем не менее установленной в одноместном номере, он смотрел на полоску ночного неба между неплотно сдвинутыми портьерами, и пытался представить, что делает сейчас девушка на такой же кровати за стеной. Изящным движением плеч скидывает шелковый белый халатик, ныряет под легкое пуховое одеяло, протягивает руку, чтобы выключить ночник. Или читает при тусклом желтоватом свете, придающем ее гладко зачесанным волосам блеск полированного серебра. Красивая молодая девушка с фигурой, не испорченной модными диетами, – длинные ноги, тонкая талия, широкие бедра, упругая грудь, – глядя на нее, невозможно забыть о том, что ты мужчина, чья биологическая программа – овладевать и оплодотворять. Именно эта откровенная апелляция к его базовым инстинктам и смущала Константина, тормозя его уже на этапе ухаживания.

Слишком просто, слишком просто. Зов плоти. Утолить сексуальный голод – а что потом?

К завтраку она вышла в той же белой блузочке и тех же джинсовых шортиках, которые были на ней сейчас. Что есть одежда, что нет одежды... Впрочем, на улице сорок градусов, к тому же девушке явно нечего стыдиться. Длинные волосы собраны в хвост широкой резинкой, обтянутой черным велюром. В ушах золотятся крошечные ободки сережек, на пальцах – кольца с камнями и без. Константин старался даже не смотреть в ее сторону, чтобы она не догадалась, что буквально с первых минут знакомства стала главным действующим лицом самых разнузданных его фантазий. Но он уже знал, что будет заниматься с ней любовью. Он знал.

2

Алина пригубила вино, облизнулась. Украдкой глянула на сидящего слева Константина. Хмурится – такой серьезный, хоть «караул» кричи, – взбалтывает вино, быстро вращая бокал за ножку, поднимает до уровня глаз, наклоняет сначала вправо, потом влево, оценивает аромат, оценивает вкус, ставит бокал на стол и шариковой ручкой делает пометки в специальной брошюре. Это третье по счету винодельческое хозяйство, где они проводят дегустацию, и сама она уже не в состоянии отличить розовое вино от красного. Он же, как и другие мужчины, продолжает работать практически без перерыва – пробовать одно наименование за другим, обмениваться впечатлениями с коллегами, задавать вопросы производителям, – лишь изредка бросая взгляд на часы или делая глоток воды из стакана. Слегка длинноватый нос на худом загорелом лице придает ему скорбный, как у христианского мученика, вид. На висках поблескивают капельки пота. Когда же это закончится?

Заметив, что так же точно, как она наблюдает за Константином – исподтишка, – за ней самой наблюдает Ольга, Алина торопливо отвернулась. Ах, черт возьми! Неужели догадалась? Растроганный, понимающий, почти сочувственный взгляд умудренной жизненным опытом дамы. Ладно, ничего страшного. Скоро их всех погрузят в машины и повезут

обедать в один из местных ресторанчиков. Ольга выпьет как следует, хорошенько закусит и за общим разговором забудет про этот досадный эпизод.

Внезапно она увидела, что все поднимаются со своих мест. Константин улыбается широко и открыто, пожимает руку подошедшему технологу, обменивается с ним визитками, энергично кивает... смеется, опять кивает... какой у него красивый смех, с ума сойти... поворачивается к Игорю, задает вопрос, выслушивает ответ... к ним присоединяются представитель АСК Аминдео¹ и переводчик.

Не глядя на них больше, Алина молча встает и, прихватив со спинки стула белую кожаную сумочку, решительно выходит из дегустационного зала на воздух. Уфф... жара такая, что первое побуждение – броситься обратно под крышу. Вместо этого она накидывает на голову палантин и устремляется к лестнице, спустившись по которой можно завернуть за угол и оказаться пусть не под кондиционером, но по крайней мере в тени.

– Сейчас поедем обедать, – говорит Ольга, догоняя ее уже на ступеньках и, видимо, пытаясь приободрить.

– Ммм... – неопределенно отзывается Алина.

Ей не хочется поддерживать разговор, и она благодарно улыбается Ростиславу, который присоединяется к ним, таща в каждой руке по два пакета с дарами виноделов. Между

¹ АСК Аминдео – Ассоциация сельскохозяйственных кооперативов региона Аминдео.

тем в багажнике «форда-гэлакси» уже громоздятся деревянные ящики и бумажные пакеты из предыдущих винодельческих хозяйств. Если так пойдет, очень скоро для перемещения всей команды из одного отеля в другой придется арендовать автобус.

Жарко. Вместо того, чтобы грузиться в авто и ехать в ресторан, трое дегустаторов, менеджер и специалист по логистике стоят на солнцепеке в окружении огнеупорных горластых греков и бурно обсуждают перспективы дальнейшего сотрудничества. Глядя на них, Алина впадает в то странное ментальное оцепенение, которое обычно сигнализирует о крайней степени физического изнеможения. Предметы материального мира вдруг резко надвигаются, обступают со всех сторон, демонстрируя свою вульгарную плотность, вызывающую, глумливую, непобедимую вещественность, рядом с которой не выживает никакая надежда. Взгляд не скользит по ним, а вязнет, заливает. Каждая поверхность непроницаема, каждая форма конкретна. Некуда бежать. Безднадега.

– Садитесь в машину, – сочувственно говорит Янис, распахивая перед ней дверцу. – Я включил кондиционер.

Благодарно кивнув, Алина ныряет в прохладную глубину салона, устраивается на сиденье. И оттуда ведет уже беспрепятственное наблюдение за высоким брюнетом в темно-синих джинсах и мятой белой рубашке, который стоит, слегка ссутулившись, наклонив голову набок, переводит взгляд

с одного лица на другое, улыбается вежливо, время от времени одобрительно смеется, берет сигарету из протянутой Леонидасом пачки, благодарит коротким кивком... Ведь даже не красивый. Но почему так притягивает взгляд?

Наконец все рассаживаются по машинам. Десять минут езды – и вот он, ресторан. На этот раз им с Константином достались места друг против друга. Хорошо это или плохо? Теперь придется все время смотреть в тарелку, чтобы человек не поперхнулся от избытка внимания к своей персоне. Гостеприимные греки на правах принимающей стороны накрыли роскошный стол: салаты, морепродукты, мясные блюда, овощи, вина от последнего из производителей, которым сегодня был нанесен визит. И всего этого много, очень много.

– Алина, пожалуйста. – Никос подает ей стакан, где кубики льда плавают в мутной белой жидкости. Ободряюще улыбается. – Это узо, мадам. Греческий аперитив.

Никос из общины понтийских греков. Один из тех, кто родился и вырос в Абхазии, но в начале 90-х годов, когда начались грузино-абхазские войны, перебрался вместе с семьей в Македонию. Здесь он имеет свой скромный бизнес и время от времени подрабатывает в качестве переводчика.

– Узо? – в замешательстве переспрашивает Алина. – Это крепкое?

– Попробуй, – говорит Константин, жуя лист салата. – Тебе понравится.

Ольга тоже опасливо нюхает напиток, но пробовать не спешит. Смотрит вопросительно на Константина.

– Это что, водка?

– Ага. – Он делает хороший глоток и всем своим видом изображает экстаз. – Водка со вкусом зубной пасты.

Никос смеется, другие греки не понимают. Владелец расположенного неподалеку винного заводика, в прошлом вице-мэр города Науса, берет слово, и, пока все едят и слушают, поглядывая то на него, то на переводчика, то на содержимое тарелок, Алина решается наконец пригубить широко разрекламированный напиток. Ну точно – водка со вкусом зубной пасты! Между тем стакан Константина уже почти пуст. Вот как мужчины умудряются пить все, что им наливают, и при этом совершенно не пьянеть?

Из кухни, точно по волшебству, прибывают все новые и новые закуски, льется рекой белое вино.

– Вы совсем не едите, – укоризненно говорит Георгиос, организатор встречи, обращаясь к Алине.

Константин подкладывает ей на тарелку зажаренное щупальце осьминога и два половника салата из помидоров и огурцов.

– Кушай, дорогая. Ни один нормальный грек не успокоится, пока не накормит гостя до потери сознания.

Обеденный зал довольно просторный, но народу немного. Вся честная компания радостно гомонит за сдвинутыми столами, охотно делится впечатлениями о Македонии в це-

лом и о ее виноделии в частности, многословно превозносит знаменитое греческое гостеприимство, словом, получает от обеда двести процентов удовольствия. Четыре часа дня, жара в самом разгаре. Интересно, работает кондиционер или нет? По идее должен, вроде приличное заведение, только почему обе створки входной двери распахнуты настежь?

Заметив, что она озирается по сторонам, Никос слегка наклонился в ее сторону.

– Все в порядке, Алина?

– Да, да... Немного душно. Пожалуй, я выйду на пять минут.

Надо ли говорить, что Ольга увязалась за ней. От всего съеденного и выпитого ее миловидное личико покраснелось, глаза заблестели.

– Ну и как тебе Георгиос? По-моему, он сегодня в ударе.

– Что? – рассеянно переспросила Алина.

– Георгиос зажигает, говорю. Или ты смотришь только на Костю?

Полина поняла, что отпираться бесполезно.

– Да, он мне интересен.

– Говорят, он недавно расстался с женой. Вернее, не с женой, а... ну, в общем они прожили четыре года в гражданском браке.

Глядя на дорогу, за которой простирались кукурузные поля, на столики под навесом, сейчас пустующие из-за жары, на припаркованные вдоль обочины автомобили, Алина спра-

шивала себя с тоскливым раздражением, которого не могла преодолеть: ну откуда, откуда у людей этот нездоровый интерес к чужой личной жизни, а главное, эта невыносимая уверенность в том, что собеседник заинтересован в озвучивании ее подробностей?

Чистое, ясное, синее небо Греции, подобного которому она не видела больше нигде, запятали белые облачка. Ветер стал немного свежее.

– Ой, тише, они идут сюда.

Тише!.. Алина чуть не расхохоталась. Можно подумать, здесь несколько часов подряд шло бурное обсуждение, которое вот именно сейчас следовало в срочном порядке прекратить. К ним направлялись Виктор и Константин. Энергичный, бодрый, подтянутый Виктор, в светлом льняном костюме и в коричневых кожаных мокасинах, напоминающий успешного менеджера в отпуске, каковым, собственно говоря, и являлся, на ходу что-то азартно втолковывал Константину, а тот рассеянно кивал, терзая пальцами сигарету.

– Ну что, девочки? – Продолжая улыбаться до ушей, Виктор угостил сигаретами всех желающих. – Отдохнули?

Константин, отвернувшись, соорудил такую гримасу, что девочки, не сговариваясь, прыснули в кулачки.

– Конечно! Как и мальчики. Особенно Костя выглядит отдохнувшим. Просто образец здоровья и благополучия.

– Я всегда говорил, что у меня очень вредная работа, – пробормотал Константин. – Вредная и опасная.

Мятая белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и растрепанные темные волосы делали его похожим на талантливое, но начинающего спиваться художника.

– Кто знает, когда нас отвезут в отель? – поинтересовалась Ольга, переводя взгляд с Виктора на Константина и обратно. – Сил нет как хочется разобрать вещи и принять душ.

– Это надо спрашивать у греческих товарищей, – отозвался Виктор. – Кто за музыку платит, тот ее и заказывает.

Греческие товарищи проявляют невероятное рвение и поистине сказочную выносливость. В семь вечера вся компания еще заседает на открытой веранде кафе, расположенного в заповедном лесу святого Николая в четырех километрах от Наусы. Это была идея вице-мэра – переместиться сюда из ресторана с целью отведать фрукты и десерт. К десерту хорошо пошли переговоры, в результате чего у обессиленных девушек начали возникать подозрения, что здесь они и заночуют.

– Еще чашечку кофе? – спрашивает Константин, искоса глядя на Алину.

Она мотает головой. Отвечать нет сил.

– Тогда пройдемся до моста и обратно.

Это уже не вопрос, а распоряжение. Вяло улыбнувшись, Алина отодвигает стул, встает и тут же, охнув, падает обратно. Затеckшие ноги почти не слушаются. Константин подает ей руку и медленно, осторожно выводит на асфальтированную дорожку. Вокруг цветут красные анемоны, белые гиацинты.

цинты, лиловые фиалки, желтые нарциссы. От их аромата кружится голова. Впрочем, сейчас причин для головокружения более чем достаточно.

– Это каштаны? – Алина ошеломленно оглядывается по сторонам. – Я и не подозревала, что в Греции... а там, дальше, ты только посмотри... – На самой середине моста она останавливается и указывает пальцем на другой берег. – Надо же, лес! Настоящий лес.

– Северная Греция довольно сильно отличается от Центральной и Южной. Мы в горах, Алина. Чувствуешь, какая свежесть? Сейчас на Пелопоннесе мы умирали бы от жары.

Вода, бегущая под мостом, чиста, прозрачна и очень холодна. Течение довольно быстрое, на дне – сплошные камни. Играя зажигалкой, Константин смотрит вниз и рассказывает про созданный в сердце заповедника искусственный пруд, где разводят форель. Алина, стоя рядом, смотрит на его длинные смуглые пальцы и думает совершенно не про форель.

– Костя. – Верить, что превосходно держишь себя в руках, а потом вдруг поймать себя на том, что шепчешь его имя... – У нас очень мало времени. Понимаешь?

– Думаю, да. – Не поднимая головы, он чуть улыбается не то ее словам, не то собственным мыслям. – Я бы поспорил насчет ограничения по времени, но в целом... – Голос его делается совсем тихим. – В целом я понимаю, чего ты ждешь.

– Правда?

Оба они теперь стоят абсолютно неподвижно, словно ди-ковинные насекомые, застывшие в янтаре, только вместо ян-таря – напряжение этой минуты.

– Что заставляет тебя сомневаться?

– Я не знаю. Я не верю. – И вдруг, безо всякой связи с предыдущим: – Сколько тебе лет?

– Тридцать шесть.

– Обещай, что не будешь надо мной смеяться.

3

И опять пришлось разбирать чемоданы, развешивать на плечиках – разумеется, громадных, предназначенных для мужских пиджаков пятидесятого размера, – платья и сарафаны, раскладывать по ящикам и полкам майки, футболки и нижнее белье, расставлять перед зеркалом баночки, тюбики, флакончики. Неужели Константин в своем номере сейчас занимается тем же самым? За исключением флакончиков. Хотя флакончик с туалетной водой в его хозяйстве наверняка имеется, временами можно уловить тонкий, элегантный аромат. Опять же пена для бритья и что там еще... Прислонившись к стене, Алина обессиленно расхохоталась. Мысли, достойные настоящей блондинки. Все еще смеясь, пнула босой ногой разверстый чемодан и жестом бесконечной усталости отбросила за плечо прядь волос.

Тук-тук. Вздвогнув, она уставилась на дверь. Еще бы полчаса... навести порядок в комнате, принять душ...

Но это был не Константин. Это была Ольга.

– Мы едем в Наусу. Ты с нами? – Через плечо Алины она с любопытством заглянула в комнату. – Янис говорит, там можно поужинать и погулять в парке.

– Поужинать? – Глаза Алины расширились. – Ты что, проголодалась? Лично я во время обеда наелась на неделю вперед.

– Ну, я бы съела пищу или пирог.

Алина покачала головой.

– Посмотреть Наусу я бы не отказалась, но только не сейчас. Быть может, завтра. Сейчас мне хочется только в душ и в постель.

– Ладно, отдыхай, – понимающе кивнула Ольга. – Ты и правда выглядишь измученной. Костя тоже отказался ехать. – В глазах ее светилось неукротимое любопытство. – Тоже, наверное, устал.

– Наверное.

Когда она, наконец, удалилась, напомнив, что на завтра запланировано посещение четырех виноделен, машины будут поданы к парадному подъезду к девяти утра, а выпить чашку кофе в ресторане можно начиная с семи тридцати, Алина уже и правда думала только о том, как бы побыстрее добраться до кровати.

Она успела не только принять душ, но и высушить волосы, и даже нанести увлажняющий крем на руки и лицо, прежде чем раздался ТОТ САМЫЙ стук в дверь. Отрывистый, нетерпеливый и вместе с тем деликатный. И надо же умудриться вложить столько чувства в обыкновенный стук.

Теперь поспокойнее. Всегда же можно передумать, сослаться на усталость или просто попросить его уйти. Попросить без объяснений. Разумеется, это несколько осложнит их отношения, но Константин – человек воспитанный, повернется и уйдет, а на людях продолжит общаться с ней как ни

в чем не бывало.

Успокаивая себя таким образом, Алина распахнула дверь.

– Ждала меня? – Дерзкая, чуть насмешливая улыбка, непринужденная поза, внимательный взгляд. – Я угадал?

В панике она попыталась закрыть дверь у него перед носом. Он отреагировал мгновенно, вставив ногу между дверным полотном и коробкой.

– В чем дело?

– Почему ты не поехал в Наусу? Надо было ехать.

– Я сам знаю, что мне надо и чего не надо. А ты? Ты знаешь, что надо тебе?

– Пожалуйста, уходи. Мне трудно сейчас говорить об этом, но... – Она прикусила губу. – Позже я все объясню. Обещаю.

Воспитанный человек толкнул дверь и вошел. Оглянулся по сторонам.

– Класс! Всегда восхищался способностью женщин буквально за час превратить безликий номер отеля в уютное жилище.

Забившись в угол, Алина молча следила за его передвижениями. На нем были те же синие джинсы, но рубашка другая, серая в полоску.

– Что ты собираешься делать?

Она постаралась задать этот вопрос максимально безразличным тоном, но получилось все наоборот.

– Что я собираюсь делать? Я? А почему не мы?

– Потому что я совершенно не представляю...

Почувствовав себя круглой идиоткой, она замолчала.

Константин улыбнулся.

– Давай поговорим.

– О чем?

Он развел руками, одновременно пожав плечами.

– О чем угодно. Знаешь, как это бывает: сначала ты спрашиваешь, я отвечаю, потом я спрашиваю, ты отвечаешь. – Еще одна обворожительная улыбка. – Годится?

– Можно попробовать. – Она немного подумала. – Ты принимаешь подарки от женщин?

– Ну... – Константин нахмурился, продолжая улыбаться. – Смотря какие подарки. Смотря от каких женщин. Смотря по какому поводу.

– Без повода.

– И без причины?

– По причине любви и обожания.

Он отвернулся и некоторое время молчал, глядя в окно. Потом заговорил негромко, чуть запинаясь:

– Однажды на выставке художественной фотографии в Манеже я совершенно случайно встретил старую знакомую – девушку, с которой вместе работал в Галерее Вин. Мы осмотрели экспозицию, зашли в ближайшее кафе. Посидели, поговорили. Выяснилось, что она разводится с мужем и, поскольку о разделе имущества речь не идет, надеется на быстрое и безболезненное решение вопроса. После кофе с

мороженым я поехал ее провожать. Разумеется, наутро мы проснулись в одной постели.

– И часто с тобой такое бывает? – спросила Алина, приподняв брови.

– Да, – рассеянно отозвался Константин. – Я не слишком разборчив. – Рука его привычно потянулась к пачке сигарет. – Мы встречались два раза в неделю, иногда чаще. Встречались, чтобы просто переспать, ничего друг другу не обещая, поэтому внезапные слезы моей подруги после секса в один прекрасный день привели меня в состояние жуткого замешательства. Что я сделал не так? Оказалось, все так. Даже очень так. Впервые за много лет она начала регулярно испытывать оргазм, и это ее так потрясло, что случилась истерика. Через полчаса я уже обо всем забыл, ведь слезы были не слезами обиды, а слезами облегчения. Но на следующий день она напомнила мне, причем без слов, смущенно протянув флакон достаточно дорогой туалетной воды. Я уставился на обтянутую пленкой коробочку, и в голове опять зазвучали слова: «Только с тобой, Костя, только с тобой». И как это следует понимать? Как вознаграждение за сексуальные услуги? Все еще пребывая в некоторой растерянности, я перевел взгляд на лицо своей подруги и вдруг сообразил, что именно этого она и опасается – благородного негодования, высказываний в духе «как ты могла»... – Он сделал паузу, чтобы закурить. – Я принял у нее из рук коробочку и сказал: «Спасибо, Света. Мне очень приятно». Увидел ее счастливую улыбку,

улыбнулся в ответ и вечер был спасен.

Алина не спускала с него глаз.

– Что? – спросил он негромко.

Тембр его голоса при этом изменился, в нем появились интимные нотки.

– Расскажи мне о своих желаниях.

– Ты собираешься их осуществить?

– Для начала понять, способна ли я на это.

– Не надо. – Он покачал головой. – Когда мы пробуем поймать такие вещи, мы их упускаем.

– Что же делать? – спросила Алина серьезно и вместе с тем заинтересованно, как будто речь шла об условиях проведения научного эксперимента.

– Ну... просто делать.

– Все что угодно?

Подойдя вплотную, Константин легким касанием очертил контур ее щеки.

– Все что захочется.

Она моргнула и попятилась. Но тут же снова застыла. Странное чувство – стоящий рядом мужчина как будто удерживал ее взглядом. Ни у кого еще она не видела таких страстных, таких выразительных глаз.

– А если я сама не знаю, чего мне хочется?

– Это сложнее. – Уголки его губ чуть дрогнули, выдавая улыбку, которую он тщательно скрывал. – Но можно начать с того, чего хотелось раньше, но так и не удалось осуще-

ствить... а даже если удалось, почему бы не сделать это еще раз... и постепенно продвигаться в направлении нынешних желаний, не вполне осознанных.

– С тобой? – спросила Алина, глядя на него в упор.

Константин пожал плечами.

– Почему нет? Если я тот самый, ты это поймешь. Если нет, поймешь тем более. В конце концов, что мы оба теряем?

– Так ты не считаешь, что секс к чему-то обязывает?

– Сам по себе секс? Конечно, нет. К чему может обязывать физиологический акт? Другое дело, что иногда он становится чем-то большим, нежели просто физиологический акт.

Окинув его испытующим взглядом, Алина подошла к окну и задернула шторы. Слегка вздохнула, не торопясь обращаться. Что он делает сейчас? Стоит и смотрит на нее? Конечно. Смотрит и будет смотреть. Следить за малейшими изменениями выражения ее лица по мере убывания одежд, за жестами, за голосом, за дыханием. Внезапная дрожь – о чем она может говорить? О страхе? О смущении? Этот первый акт любви – или как он сказал, «физиологический акт», – нет ничего ужаснее. Все равно что сдавать экзамен, не будучи готовой. Да это и невозможно – подготовиться. Невозможно при всем желании. Новый мужчина, незнакомое тело, неизвестная повадка. Притягательный, но все равно чужой – чужой, чужой! – запах его кожи.

Константин уже стоял рядом. С замиранием сердца Алина ждала его слов или действий, но ничего не происходило. Она

обернулась. Встретила пристальный взгляд серых глаз.

– В чем дело? – спросил он вполголоса. – Почему ты так напряжена?

– Я жду. – Она беспомощно развела руками. Попыталась улыбнуться и поняла, что сейчас расплечется. – Жду и боюсь. Глупость, правда?

– Ждешь, боишься... – повторил он, слегка хмуря брови. – И это все?

Алина замерла, уставившись на воротничок его рубашки. Обычный в тонкую полоску воротничок, верхняя пуговица расстегнута, на загорелой коже поблескивает золотая цепочка. Интересно что там – крест? Стараясь убедить себя в том, что делает это только из любопытства, она протянула руку и расстегнула еще одну пуговицу. Потом еще одну. Константин стоял неподвижно. Грудь его ритмично вздымалась от дыхания под тонкой тканью рубашки, и это вдруг расстрогало Алину до слез. Качнувшись вперед, она припала к нему – он по-прежнему не шевелился, как будто его коснулась волшебной палочкой фея, – провела пальцами вдоль брючного ремня, зацепилась, подергала. Константин легонько кивнул.

– Я хочу раздеть тебя, – прошептала она, с удивлением обнаруживая, что это правда. И добавила: – Ни разу в жизни я не раздевала мужчину.

– Я тоже, – серьезно откликнулся Константин.

– Что?

– Ни разу в жизни я не раздевал мужчину.

Несколько секунд она молчала, потом со смехом ударила его кулаком по плечу.

– Ах ты!..

На цепочке действительно обнаружился крест – полированный, гладкий, ничем не напоминающий православное распятие. Алина провела по нему кончиком пальца. По коже рядом с крестом. Опять по кресту. Ей нравилось юношески стройное тело стоящего рядом мужчины. Разглядывая рельеф мускулов на его руках и плечах, она вдруг подумала о том, что он старше нее на двенадцать лет. Двенадцать лет...

– Моя очередь спрашивать, – шепотом сказал Константин. Ей стало не по себе.

– Каким был человек, которого ты полюбила первым?

Неожиданно для себя она засмеялась.

– О господи! А я-то думала... Ну, ладно. Я училась в девятом классе, а этот мальчик в десятом. Знаешь, действительно странно. – Она ненадолго задумалась. – Он был не очень похож на других – на тех, кто нравился мне после. Похож телосложением, но не похож... мастью, что ли. Меня всегда привлекали высокие и худощавые, вот как ты, и обязательно брюнеты, в крайнем случае шатены, а он был блондин. Единственный блондин в истории моих увлечений.

– Первый и единственный.

– Да. Брюнеты, безусловно, ярче и интереснее. Темные брови, темные ресницы – все это очень эффектно. Но тот блондин был тоже хорош. Когда он шел по школьному коридору...

дору в компании одноклассников, невозможно было не за-
любоваться. Собственно, виделись мы только в школе. Я зна-
ла, где он живет, но не встречала его во дворе. Быть может,
он предпочитал гулять в Останкинском парке или на ВДНХ.
Начитавшись Цвейга и Дюма, я на полном серьезе вообрази-
ла, что настоящая любовь непременно должна быть несчаст-
ной, и принялась честно страдать. Прошел мимо и даже не
посмотрел! А вчера вообще пренебрежительно усмехнулся!
И все в таком духе. Моя подруга была в восторге, любов-
ная драма разворачивалась прямо у нее на глазах. Однако
для постоянного притока эмоций требовались события, все
равно какие. И я написала своему избраннику письмо. Ду-
маю, ты представляешь. Выждала несколько дней и позвони-
ла ему по телефону. Подруга была со мной, вернее, обе мы
находились у нее дома. Разговор получился в высшей степе-
ни дурацким. Парень хмыкал, мычал, запинаясь и, несмот-
ря на всю свою вежливость, не мог скрыть досады. Ну, еще
бы! Представь: вместо нормального человеческого знаком-
ства тебе предлагают какой-то вывихнутый вариант «Пись-
ма незнакомки». И что со всем этим делать? Он понятия не
имел, кто я такая и откуда взялась.

– Что же он сделал в итоге? – с интересом спросил Кон-
стантин.

– Записал номер моего телефона. Обещал позвонить, –
Алина улыбнулась, – и не позвонил.

– Ты расстроилась?

– Не особенно. То есть это я сейчас понимаю, что почти не расстроилась, тогда же мне полагалось терзаться, убиваться и проливать горькие слезы. Что я и делала со свойственной мне добросовестностью.

Лежа рядом, почти раздетые на велюровом покрывале кофейного цвета, они молча смотрели друг другу в глаза.

– Это не любовь, Алина.

– Знаешь, я не уверена, что в моей жизни было чувство... или состояние... или отношение... которое ты назвал бы любовью. Мне кажется, у тебя довольно своеобразное понимание вопроса.

Он не ответил. Неторопливо снял с нее оставшуюся одежду, коснулся губами сомкнутых век, словно успокаивая, внушая безмолвно «все будет хорошо».

И да – все было хорошо. Даже слишком хорошо для первого раза.

4

Он поймал на себе взгляд сидящей на другом конце стола Ольги – взгляд, в котором читалось напряженное любопытство, – улыбнулся и повернул к ней стоящую рядом бутылку, предлагая обратить внимание на этикетку. Ольга вопросительно вскинула бровь. Константин энергично кивнул в знак одобрения. Повернулся к производителю.

– Стоимость?

– Двенадцать евро за бутылку.

Переглянувшись с Игорем, Константин скорбно вздохнул.

Он догадывался, что Алина сейчас думает только о том, кто и что про них думает, но сам в глубине души был абсолютно уверен, что никто про них не думает вообще. Никто, кроме Ольги. Но с этим надо было просто смириться, как с неизбежным злом.

При посадке в машину они случайно оказались рядом на заднем сиденье «форда», а Ольгу и Ростислава – вот уж повезло так повезло! – Георгиос и Леонидас увлекли за собой в «BMW». Водитель включил радио. Греческую музыку не спутаешь ни с какой другой. Вечерами сидеть на террасе, пить Метаксу, слушать эти песни, глядя на виноградник, покрывающий южные склоны Вермиона, – и так всю жизнь, до конца дней своих, да...

Едва вереница из трех авто выехала на большую дорогу,

рука Алины скользнула Константину под рубашку, и он почувствовал, как острые ногти вонзились в кожу чуть выше поясицы. Губы сами собой растянулись в улыбке. В многозначительной улыбке заговорщика, преисполненного сознанием дерзости существующего заговора.

– У меня синяк на шее, – еле слышно выдохнула Алина.

Синяк? На шее? Ах, да. Он поцеловал ее вчера в постели, и поцелуй перешел в укус. Поэтому волосы ее сегодня распущены.

– Теперь ты решила сделать мне синяк на спине? – повернув голову, так же тихо произнес он.

Алина злорадно улыбнулась.

– Не синяк, а...

– ...кровавую рану?

Притворный ужас в его глазах раззадорил ее, ногти рванули кожу. Но он был готов и не подпрыгнул до потолка, наоборот, расслабился и обмяк на сиденье, как будто собирался вздремнуть. Сидящий рядом с водителем Виктор самозабвенно упражнялся в английском, Янис слушал, глядя на дорогу, и время от времени кивал. Музыкальное сопровождение делало ситуацию еще более комичной.

– Я сейчас закричу, – прошептал Константин с блаженным видом.

– Не смей.

Ясное дело, он не посмел. Но вздохнул с нескрываемым облегчением, когда пришло время выгружаться перед во-

ротами последнего на сегодня винного заводика и двигать вслед за греческими товарищами на дегустацию. Алина чувствовала себя великолепно и не могла, просто не могла стереть с лица ликующую улыбку, несмотря на то, что улыбка эта почти наверняка служила пищей для чужих фантазий. Зато два часа спустя, после обеда, в кафе за порцией мороженого и бокалом белого вина скромненько так смотрела в свою тарелку и лишь изредка роняла слово или два, когда к ней напрямую обращались с вопросом. Константин же, наоборот, сидел развалясь на стуле – в белой рубашке, в темных очках, элегантно до невозможности, – вел неторопливую беседу, курил...

На обратном пути они запланировали вечернюю поездку в Наусу – надо же наконец увидеть этот славный город, где, по свидетельству очевидцев, продаются замечательные сырные пироги, – но уже перед самым отелем Георгиос радостно сообщил, что через час, максимум через полтора, придут его друзья из Неми с образцами своих лучших вин, и он очень надеется, что российские эксперты не откажутся от встречи, ведь люди на личном автомобиле пересекли чуть ли не всю страну.

На лице Ольги отразился неподдельный ужас. Стоящий с ней рядом Виктор явно затосковал. По-быстрому оценив обстановку, Константин повернулся к Георгиосу и не менее радостно заверил, что да, разумеется, российские эксперты будут счастливы встретиться с виноделами из Неми, но

присутствие менеджеров, наверное, не обязательно, девушки устали... можно их отпустить? Георгиос засуетился, сбежал в административный блок, вернулся с ключами устрашающих размеров и, сияя лицом, вручил их Алине. Бассейн еще закрыт, там только что закончился ремонт, но персонально для них решили сделать исключение. Дверь в конце коридора. Приятного отдыха!

– Какой же он все-таки молодец, – уже на лестнице мечтательно протянула Ольга, имея в виду не то Георгиоса, не то Константина, Алина не стала уточнять. – Ну что, переодеваемся и идем купаться?

– Да. Но сначала мыться. – Алина вздохнула. – Я чувствую себя так, будто целый день таскала мешки с цементом.

– Полчаса тебе хватит?

– Вполне.

– Тогда иди мойся, через полчаса я за тобой зайду.

Прямо пионервожатая, честное слово. Алина проводила взглядом розовый сарафанчик Ольги и, тихонько фыркнув, открыла дверь своего номера.

Стоя под струями теплой воды – получить горячую воду в Греции можно только в середине дня, когда жарит солнце, – она ожесточенно намыливается, жмурится, отплеивается, и... вспоминает. Руки Константина на ее плечах, испытующий взгляд в упор.

«Давай, скажи мне».

Жар его ладоней, скользящих по бедрам. Ей страшно, но

это не тот страх, от которого цепенеешь всем телом и молишься беззвучно, чтобы происходящее оказалось сном, а тот, от которого замираешь в ожидании нового, совершенно не представляя, чем это новое обернется.

«Мне понравилось, Костя, но я не знаю, куда это нас заведет».

До чего же люди уязвимы в этом плане. Мужчинам важно знать, что они показали класс, женщинам – что они соблазнили, очаровали, пленили... Или нет? Может, он ждал совсем не этих слов? Мужчины. Радикально иное.

Расчесывая волосы перед зеркалом, она подумала, что уж теперь-то Ольга наверняка заметит синяк. Превосходный смачный лиловый синяк, образовавшийся на месте укуса. Ладно, заметит так заметит. Раньше или позже, она или не она... в такой маленькой компании все происходит у всех на виду.

Ольга заметила. Но не стала делать большие глаза. Удовлетворенно кивнула – с таким видом, словно все события развивались по заранее известному сценарию, – и спросила, ни минуты не сомневаясь в своем праве знать:

– И как он?

Алина тоже не стала делать большие глаза. Как пронизательно заметил Константин, проще один раз шокировать всех любознательных и после этого уже не заботиться о конспирации, чем постоянно думать о том, не дал ли ты пять минут назад повод для подозрений. Она не сразу осознала эту

здравую мудрость публичного человека, но теперь, неспеша переплыв бассейн и ухватившись мокрой рукой за бортик, повернулась к Ольге и ответила с безмятежной улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.